

ДОМ ОСЕНИ

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАН

Александра Лазан

Дом Осени

<https://litres.ru/74020426>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её судьбу решили без неё.

Она решила иначе.

Грёза — мир из снов и страхов, где правят феири. Здесь древняя кровь — проклятие, а дочери Высоких Домов не выбирают сами.

У Аретглин Балор есть брат, клинок и тайна. Когда отец ставит всё на карту, она делает невозможное. Но цена свободы выше, чем она думала. За блеском Высоких Домов скрывается угроза древнее самой Грёзы. А ледяной принц из чужого дома почему-то не отводит взгляда.

Грёза не прощает тех, кто осмеливается выбирать.

Для тех, кто любит феири, slow burn и героинь, которые не ждут спасения.

Содержание

Часть 1. Право сильного	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Лазан

Дом Осени

Часть 1. Право сильного

Глава 1

— Если она простоит так весь вечер, — тихо говорит Аргетлин, не оборачиваясь, — мне придётся выслушивать её жалобы ближайшие лет пятьдесят.

Аргетлам, возвышающийся за её плечом, издаёт короткий смешок.

— И что ты предлагаешь?

У них небольшая разница в росте, но всё же она есть. Аргетлин, повернувшись к брату, заглядывает в его глаза цвета папоротника, такие же как у неё. Волна тёмных волос следует за этим движением, плавно огибая хрупкое плечо.

— Пригласи её на танец.

— Ты серьёзно? — Высокий и тонкий, как копьё, которое Аргетлам предпочитает другим видам оружия, он грозным видом держит на расстоянии каждого, кто захочет пригласить его сестру на танец. Пока что никто не отважился.

— Она хотя бы перестанет сверлить взглядом пол. А за-

одно все эти, — заметно понизив голос, Аргетлин поводит рукой, обозначая стайку девиц. Они вертятся вокруг только потому, что рядом с ней, по обыкновению, он, — отстанут от меня, и я хотя бы минуту побуду в тишине.

Аргетлам прищуривается. Ждать тишины в бальной зале посреди праздника — даже для его сестры слишком оптимистично. Он улыбается краем губ.

— На что только не пойдёшь ради тебя, сестра.

Она открывает рот, чтобы ответить, но он уже лениво отклеивается от колонны, будто весь вечер только и делал, что собирался с силами. Девицы так и поедают наследника взглядами, но он не смотрит в их сторону. У него другая цель.

Аргетлин провожает близнеца улыбкой. Была в этом своя, особая упорядоченность их Дома, Аргетлам всегда исполняет озвученные желания сестры. Так было с самого их детства и едва ли изменится в будущем. Единственная константа посреди сумбура стремительных дней. Если молодой лорд и подозревает что-то, лезть в душу к ней он не стал.

Аргетлин весь вечер ловит себя на том, что постоянно смотрит туда, где, поджав губы, стоит Сайофра. Их золотоволосая кузина сегодня сама не своя: бледная, непривычно сосредоточенная, мысленно ведёт спор с самой собой и находит аргументы для обеих сторон. Решается на что-то, о чём потом придётся жалеть. Она не танцует, не флиртует, даже не прячется в тени колонн, а просто стоит и смотрит в одну точку.

Аргетлин тревожится. Если кузина струсит и передумает, никакими подарками её будет не подкупить. Без неё весь замысел рассыплется, а значит нужно её отвлечь от тягостных мыслей. И у Аргетлин есть прекрасный способ выветрить любые мысли из девичьих голов.

Сама она остаётся в стороне, в тени одной из колонн. Серебро платья мерцает в свете свечей достаточно, чтобы быть замеченной, но не настолько, чтобы привлекать слишком много внимания.

Золотоволосая феяри, если и раскусит её замысел, всё равно не сможет устоять. Всем во дворце известно, что она, как и многие другие дамы при дворе, давно заглядывается на светлого близнеца.

Аргетлам уже рядом с кузиной. Он говорит с ней, склоняет голову и протягивает руку с развёрнутой ладонью к Сайофре. Та, несмотря на свою растерянность, в грязь лицом не ударила, как и подобает их родственнице. Она вкладывает свою руку в его и улыбается, будто вынырнула из пучины. Или, наоборот, намереваясь в неё окунуться.

Музыка подхватывает пары в центре зала в свои потоки. Так осенний ветер подхватывает золотые листья с чёрно-мраморного пола тронного зала. Магия мелодии завладевает вниманием всех гостей, вассалов и хозяев замка, отвлекает от разговоров и интриг.

Аргетлам опасно хорош в чёрном с золотом. Он будто притягивает к себе свет сотен свечей. Они горят в люстрах

навверху и не капают воском на танцующих благодаря особым чарам. Не только Аргетлин не сводит глаз с наследника и его партнёрши, даже некоторые из танцующих останавливаются у края площадки, чтобы полюбоваться ими.

Подолы длинных платьев ещё не завершили своего движения, закручиваясь вокруг тонких станов, а сердца девушек уже замирают. От восторга. От увлечённости молодым господином. От зависти к его спутнице и от страстного желания: убить её или быть ею.

Аргетлин улыбается, глядя на танцующих. Сайофра, кажется, совсем забыла свои сомнения, её движения точны, выверены и идеально соответствуют движениям Аргетлама.

Круг из феэри смыкается вокруг танцевальной площадки, все хотят быть ближе к танцующим. Аргетлам и Сайофра так изумительно гармоничны, словно она его продолжение, а он — её. Золотая вышивка на их одеждах вспыхивает и гаснет при каждом движении, они словно пламя с танцующими в ночи языками, словно огонь, на чей свет слетаются мотыльки.

Музыкальная тема поднимается выше по виткам спирали, нагнетает, обостряет восприятие. Зрители сами того не замечая задерживают дыхание в предвкушении развязки. Но её нет, и новый виток усиливает напряжение.

Аргетлин в какой-то миг сама подаётся вперёд, не устояв перед дивной картиной в центре зала. Она даже забыла о своём коварном замысле отвлечь двоюродную сестру, забы-

ла и о цели этого отвлечения.

Музыканты добавляют к мелодии барабаны и задают новый ритм, и нечто внутри неё отзывается.

Ей тоже нужно туда, в этот круг, в этот вихрь.

Аргетлам и Сайофра, казалось, позабыли о присутствующих гостях и растворились в музыке. Аргетлин сама не замечает, как оказывается во втором ряду зрителей. Тяжело оторвать от них взгляд, но в очередном обороте он соскальзывает на светлое пятно по ту сторону круга. Сольрейн Кайлех смотрит на неё не отрываясь. Его глаза — яркие, голубые, как замёрзшая вода.

Аргетлин, подзадоренная страстями, что разлились по площадке для танцев, и приободрённая ими же, не отводит глаз.

Сын правителей Зимы понимает это как приглашение.

Он выступает вперёд, идёт сквозь центр залы, умудряясь не задеть ни одну из кружащихся пар. Безмолвно протягивает Аргетлин руку.

У него твёрдая хватка, не грубая, но уверенная. Сквозь тонкую ткань перчаток она чувствует тепло, которого не ожидала от наследника Зимы. Он притягивает её ближе, и следующее мгновение они уже часть танца. Часть бесконечного водоворота силуэтов и тканей.

Вот это — магия без всякой магии, живая, искристая, подвижная, проникающая под кожу и околдовывающая. Её почти можно потрогать, почти можно почувствовать её опья-

няющий аромат.

И теперь среди танцующих полыхает не только золотой огонь, но и свет звёзд, отражённый от ночной воды. Музыка подхватывает их, вплетает в общий узор кружащихся пар.

— Я наблюдал за вами, леди Аргетлин, — говорит он, и его голос звучит прямо у её виска, хотя она не заметила, чтобы он наклонялся.

— Весь вечер? — она позволяет себе улыбнуться. Смотрит прямо, без тени смущения. — Я польщена.

— Вы ловко переключили внимание своего брата на кухню, — продолжает он, будто не слышал её ответа. Аргетлин делает вид, что полностью поглощена танцем, но краем глаза замечает, как Сайофра буквально светится в руках Аргетлама. План сработал даже лучше, чем она рассчитывала.

— Простите?

— Аргетлам. — Сольрейн ведёт её в повороте, и на миг зал превращается в размытое золотое пятно. — Стоял за вашей спиной как верный страж. Отпугивал поклонников. До тех пор, пока вы не шепнули ему пару слов, и он не уплыл в сторону вашей родственницы.

Сольрейн и правда наблюдателен.

Юные пары кружатся вокруг них, стайки придворных жмутся к колоннам, и только тот, кто умеет читать этот язык, поймёт, что каждый взгляд, жест и слово — всё это ход в большой игре.

— Вы слишком много чести мне оказываете, приписывая

умение управлять действиями брата. Аргетлам самостоятелен в своих... симпатиях.

— А потом, — перебивает он мягко, почти ласково, — освободилось место. И я смог пригласить вас. Совпадение?

— А если и так? — она склоняет голову. — Что в этом дурного? Сайофра явно нуждалась во внимании, а мой брат — прекрасный кавалер. Все при деле.

— Кроме тех, кого вы не хотели видеть рядом, — усмехается Сольрейн.

Аргетлин молча улыбается. Они танцуют несколько тактов молча. Не из неловкости, а из уверенности, что им не обязательно заполнять словами каждую секунду. Она довольна. Принц уверенно ведёт, ей нравится с ним танцевать.

— Вы хорошо танцуете, — наконец говорит она. — Я не ожидала.

— От наследника Зимы? — в нём звучит ирония. — Думали, я буду наступать вам на ноги и жаловаться, что здесь слишком жарко?

— Думала, вы будете смотреть свысока и делать вид, что танец ниже вашего достоинства.

— Я мог бы, — соглашается он. — Но тогда я бы не узнал, каково это — танцевать с дочерью Осени.

— И всё же одолеть моего верного стража вы не решились, чтобы узнать, каково это, — в её голосе звенит лёгкая насмешка. — Пришлось самой убрать его с дороги.

Сольрейн чуть склоняет голову, принимая удар. В его гла-

зах мелькает что-то похожее на одобрение.

— Не стану отрицать: я действительно ждал удобного момента. — Он ведёт её в повороте, и на миг зал исчезает, остаётся только его лицо и его странный, пронизывающий взгляд. — Но с вашим братом мне интереснее будет встретиться на ристалище, чем на площадке для танцев.

Аргетлин вскидывает бровь. Так спокойно он это говорит.

— На ристалище? — переспрашивает она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы собираетесь биться с Аргетламом?

— Если он примет вызов.

— Турнир в честь заключения союза между нашими Домами, а вы собираетесь драться, — замечает Аргетлин.

Сольрейн пожимает плечами. Он несколько мгновений смотрит на неё выжидательно, будто ждёт её слов, но затем продолжает сам.

— Говорят, он лучший копейщик среди молодёжи Осени. Мне было бы любопытно проверить, так ли это.

— Любопытно, — эхом повторяет Аргетлин. — Вы хотите скрестить с ним копыя просто из любопытства?

— А вы думаете, для этого нужна более веская причина? — в его голосе звучит искреннее удивление. — Ваш брат силён. Я силён. Почему бы не выяснить, кто сильнее? Это же турнир. Для того они и существуют.

— Обычно на турнирах сражаются за чью-то честь. Или за награду. Или чтобы произвести впечатление.

— На меня, — Сольрейн чуть наклоняется ближе, и его голос становится тише, — впечатление производят другие вещи.

Теперь Аргетлин ждёт продолжения, но он молчит, испытывая её терпение. Танец не терпит пауз, они кружатся в общем ритме, и эта вынужденная близость делает их разговор почти интимным.

— Какие же? — она сдаётся.

— Например, умение просчитывать ходы, — его взгляд скользит по её лицу, останавливается на глазах. — Или тихо убирать фигуры с доски, пока противник смотрит в другую сторону.

Аргетлин улыбается. Этот разговор с ним ей тоже нравится.

— В этой зале до скучного — одни союзники.

Музыка требует очередного па, Сольрейн кружит её, и когда Аргетлин поворачивается к нему спиной, его рука ложится на её плечо, разворачивая, обнимая. В этот миг Аргетлин встречается взглядом со своим близнецом, который сам точно так же обнимает Сайофру.

Их взгляды пересекаются. Аргетлам чуть заметно приподнимает бровь. Она отвечает лёгким наклоном головы.

А затем Сольрейн склоняется к ней, и его губы оказываются опасно близко от её уха. Так близко, что она чувствует прохладу его дыхания.

— Боюсь, леди Аргетлин, вы не все подробности знаете о

союзе, который сегодня заключили Высокие Лорды. — Пауза. Короткая, но такая... многозначительная. — Скучно нам точно не будет.

Она поворачивает голову. Теперь их лица разделяют считанные сантиметры. В его глазах лёд, в котором пляшут отблески свечей.

Танец продолжается, но атмосфера изменилась. То, что было игрой, становится чем-то большим. Или она просто начинает видеть то, чего не замечала раньше, увлечённая собственными планами на эти празднества.

Мелодия разводит их, и Аргетлин, обходя по кругу чужого партнёра, прежде чем вернуться к своему, всматривается в окружающих. Она переводит папоротниковый взгляд на брата. На Сайофру, которая светится в его руках, забыв обо всех сомнениях. На отца, восседающего на троне рядом с Зимним Лордом — белокожим, беловолосым, с глазами цвета замёрзшей воды. О чём они говорят? О каких подробностях союза она не знает? Смотрит на их жён, обменивающихся понимающими улыбками.

Аргетлин явно что-то упускает.

— Лорд Сольрейн, — говорит она, когда они сходятся снова, — а на мечях вы сражаетесь так же хорошо, как на копьях?

В глазах зимнего наследника мелькает любопытство.

— У вас будет возможность убедиться в этом самой, леди Аргетлин.

Она позволяет себе двусмысленную усмешку. Ровно такую, чтобы он задумался.

— Почему вы спрашиваете? — в его голосе звучит неподдельный интерес.

— Да вот думаю, не заключить ли с Сайофрой пари на победителя, — просто отвечает Аргетлин. И, строго говоря, не лжёт. Фейри не могут лгать.

Сольрейн пытается понять, шутит она или говорит серьёзно.

— Хотите поставить на меня?

Аргетлин делает вид, что задумалась. Чуть склоняет голову, разглядывая его так, будто приценивается к породистому скакуну на ярмарке.

— Пока не решила.

— Понимаю, — говорит он. И замолкает на несколько тактов, а потом оглядывает зал, словно впервые замечая, какая здесь атмосфера. — Знаете, у нас, в Зимнем Доме, музыка не такая... — он задумывается, подбирая слово, — жаркая.

Аргетлин коротко смеётся. В осеннем домене навечно застыло бабье лето: даже самые холодные ночи и туманные утра всегда сменяются жаркими, сухими днями. Здесь привыкли жить в этом золотом мареве, где границы между сном и явью, между вчера и завтра размыты, как очертания тумана на рассвете.

— Бойтесь оттаять, лорд Сольрейн?

Он смотрит на неё в упор.

— Боюсь, что понравится.

Музыка затихает. Они замирают друг напротив друга, и Аргетлин чувствует, как его рука чуть дольше, чем нужно задерживается на её талии.

— Благодарю за танец, — говорит Сольрейн. — И за... то, что расчистили дорогу.

— Благодарю за то, что не наступили мне на ноги, — парирует Аргетлин. Она отпускает его руку с легким сожалением. Тепло ладони исчезает слишком быстро.

— Увидимся на турнире, лорд Сольрейн. Постарайтесь не разочаровать нашу кузину. И меня.

Гости расходятся по залу словно шахматные фигуры в замысловатой партии.

В ночь середины осени бал, которым Лорд Алиньяд Балор открыл череду праздников, пиров и турниров подходит к концу. А партия только начинается.

Глава 2

Утро второго дня разливается над ристалищем мягким золотым светом. Осеннее солнце, щедрое и тёплое, заливают каменные трибуны, высвечивает гербы на знамёнах, дробится бликами на драгоценных камнях в украшениях на руках и шеях знатных фейри, собравшихся насладиться зрелищем. Воздух, ещё хранящий утреннюю свежесть, уже звенит от лязгов стали, гула толпы и нетерпеливого топота лошадей.

Дочь осеннего Лорда сидит рядом с дочерью зимнего, чуть в стороне от владык. Накануне вечером Киаранна Кайлех где-то пропадала и на балу показалась совсем ненадолго. Никто не успел с ней поговорить. И сейчас её взгляд неотрывно следит за происходящим на ристалище, а сама она сдвинулась в кресле чуть ли не на самый край. Показывает, что не хочет вести светских бесед. Черноволосая фейри, в общем-то, не против такого поведения. Она всё равно не знает, о чём говорить с принцессой чужого дома. По слухам, та любит книги, охоту и бои на мечях — необычный набор увлечений для высокородной леди. Тем более что сама осенняя дева увлечена турниром едва ли меньше.

На ристалище зимний принц только что одолел серьёзного противника из осенних воинов. Развернув коня, он выезжает в сторону шатров. На его рукаве сверкает в солнечном свете серебряная вышивка на чёрной ленте — знак

благосклонности леди Аргетлин. Серебристо-голубая лента Киаранны украшает рукав Аргетлама, который выступал в предыдущем поединке и тоже выбил из седла противника. Наследники высоких домов разведены по разным половинам турнирной сетки. Высказанное Сольрейном желание помериться силами с Аргетламом ни для кого не тайна. Но организаторы не захотели лишать зрителей интриги финала, в котором два фаворита сойдутся в честном бою.

Разравнивают песок на арене, сгребают щепки от пик в стороны, и вот уже для следующей пары всё готово.

— Это будет быстро, — Алиньяд Балор рукой, держащей кубок, указывает в левую сторону ристалища. В его небесных глазах насмешка. Сердце его ненаследной дочери заходится, стоит ей посмотреть в ту сторону. Рядом Киаранна подаётся вперёд так, что едва не падает с кресла. Она смотрит не на Аргетлама и не на Сольрейна, а туда, где у шатров готовятся новые бойцы.

— Кто это следующий? — выдыхает она, скорее себе, чем собеседнице.

Словно в ответ на её вопрос, глашатай трубит в рог, и его голос разносится над ареной:

— Следующий бой! От Дома Зимы — Коналл Сорм! Его противник — свободный фейри, Таинственный рыцарь не пожелавший назвать имени!

— Записался в последний момент, и избавил нас от необходимости решать, кого из кандидатов отправлять восвояси

за отсутствием соперника, — объясняет Лорд Осени своему соседу.

Толпа оживляется. Свободные фейри — всегда загадка. Никто не знает, чего от них ждать. Иногда это бывшие наёмники, решившие поискать удачи при дворе, иногда отчаянные смельчаки, мечтающие о славе. Но обычно так представители мелких домов надеются привлечь внимание владык и поступить к ним на службу напрямую, обойдя всю долгую вассальную цепочку.

На арену выезжает Коналл Сторм в сверкающих доспехах, с гербом Зимы на щите — серебряной звездой на фоне ледяной синевы. Он явно не доволен своей участью: противник-одиночка, без поддержки дома и без имени — лёгкая и неинтересная добыча. О такой не расскажешь на пиру и песни не сложишь.

А потом появляется он.

Доспехи незнакомца явно не с его плеча, потёртые, истрапанные, и не подогнаны по размеру. Герб на щите какой-то блёклый и мелкий, давно забытый, если вообще настоящий. И сам он высокий и... тощий. На фоне массивного Коналла свободный фейри выглядит почти жалко. Щуплый и несерьёзный. Как и его тонконогая лошадка тёмной масти.

Кто-то в толпе смеётся.

— Это шутка? — шепчет Киаранна, но в её голосе звучит предвкушение.

Коналл Сторм окидывает противника презрительным

взглядом, что-то бросает через плечо своим. Судя по смешкам со стороны зимней части трибун, шутка вышла удачной. Он поднимает пику, приветствуя собственную половину зрителей, и те отвечают одобрительными криками.

Свободный фэйри не делает эффектных жестов. Он просто берёт пику, которую подаёт ему оруженосец, и пристраивает неуклюже, будто впервые держит в руках. Кто-то из осенних воинов Аргетлама за спиной его сестры хмыкает.

— В седле держаться бы научился, прежде чем на турниры соваться, — доносится оттуда. Она не оборачивается посмотреть, кто решился высказаться в присутствии Владык, вместо этого только сильнее впивается пальцами в подлокотники кресла.

Дочь осеннего Лорда наклоняется вперёд. Пальцы, сжимающие подлокотники, белеют.

Глашатай машет рукой. Рог выдаёт сигнал к началу.

Кони срываются с мест.

Коналл Сторм несётся как лавина. Его пика нацелена точно в грудь противнику, в незащищённую щель между доспехами. Один удар и выскочка полетит на землю, а толпа будет рукоплескать.

Свободный рыцарь летит навстречу.

В последний момент, когда столкновение кажется неизбежным, когда Коналл уже видит свою победу, тёмная лошадка виляет в сторону.

Уклон.

Коналл пролетает мимо, его пика вспарывает пустоту. Он дёргает поводья, разворачивая коня, но свободный фейри уже мчится ему навстречу. Его лошадь меньше, быстрее, и всадник у неё лёгкий. Она проворно набирает скорость там, где массивный конь зимнего бойца только собирается разогнаться. Удар!

Коналл Сторм вылетает из седла, переворачивается в воздухе и тяжело падает в песок. Пика отлетает в сторону, а конь скачет прочь с ристалища без всадника, недоумённо кося карим глазом.

На трибунах повисает тишина, слышно, как падают листья в саду. А потом зрители взрываются криками.

Киаранна вскакивает с кресла, забыв о всяком приличии.
— Как?! — выкрикивает она. — Как он это сделал?!

Дочь осеннего Лорда только медленно выдыхает. Пальцы всё ещё дрожат, но она заставила их разжаться.

Свободный фейри, не подняв забрала шлема, уже покидает арену. Он даже не смотрит на поверженного врага, не принимает поздравления толпы, уходит так же скромно, как и появился. Киаранна провожает его взглядом, полным жадного интереса.

А осенняя дева смотрит на наследника Осени, мимо которого как раз проезжает Таинственный рыцарь. Аргетлам стоит у края арены. Его светлые, отливающие золотом волосы, такие же как у отца — блестят на солнце. Скрестив руки на груди, он наблюдает за уходящим рыцарем. И на его лице

странное выражение.

Турнир набирает обороты. Слуги и оруженосцы, войдя во вкус, быстрее подают пики и засыпают ямы, выбитые телами упавших всадников. Бой следует за боем в чётком ритме, как звонкие удары молота по наковальне. Имена победителей тонут в общем гуле, и только самые громкие из них толпа запоминает. Помощники глашатая снимают гербы проигравших из ячеек турнирной сетки и вставляют в другие ячейки, создавая новые пары для следующего тура поединков.

Сольрейн холоден и точен, как и подобает наследнику Зимы. Его противники сменяют друг друга и все они уходят с арены с одинаково растерянными лицами, которые так и не поняли, в какой момент совершили ошибку. Зимний принц не позволяет себе лишних движений, не тратит силы на красоту, чем многие не гнушаются, надеясь вызвать отклик у зрителей. Он вкладывается только в результат. К четвертьфиналу он доказал всем сомневающимся, что вчерашние разговоры о его мастерстве не пустое хвастовство.

Аргетлам появляется на арене в чёрных с золотом доспехах, которые сидят на нём как вторая кожа, бесшумных и лёгких, не стесняющих движений. Фейрийская броня не мешает, она продолжает тело, обнимает его, дышит вместе с ним. Осенний наследник проходит своих противников легко, будто играючи. Первый — фейри из малого зимнего дома, необыкновенный красавец, — рухнул под ударом ко-

пья. Следующим был крепкий зимний воин, прославившийся в прошлых турнирах, он продержался дольше, но всё же уступил напору наследника Осени. Когда Аржетлам покидает арену после четвертьфинала, лента Киаранны на его рукаве сияет, отражая солнечные лучи, ничуть не запылившись в боях.

Следующим Эйнион ап Мадог выходит на арену. Мастер над оружием Осеннего Дома, Первый меч Алиньяда Балор. Он своих соперников разбивал с таким изяществом, что на него заглядывались не реже, чем на обоих наследников. Дочь осеннего Лорда знает его лучше других. Это он очень много лет назад посреди тренировочного двора ссорился до крика со своим Лордом, отказываясь обучать Аржетлин. Среди воинов и стражи встречались и женщины-фейри, нечасто, но встречались. Но меж ними не было женщин такого высокого происхождения!

Вышивание, танцы да магия — удел дочери рода Балор. Все так считали пока Аржетлам не начал тренировки, пока не выяснилось то, о чём в доме Осени вслух не говорят. Алиньяд сам привёл дочь во двор.

Фоморская связь.

Наследие древней крови, что текла в жилах их прадеда — самого Луга, внука Балора, короля фоморов.

Тонкая, незримая нить между близнецами, что делает их боль общей, раны зеркальными, а биения сердец почти единым ритмом. Аржетлин уже тогда ходила в ссадинах и синя-

ках из-за тренировок брата, и отец решил: раз уж ей всё равно страдать от ударов, пусть хотя бы знает, как их отразить.

Мадбеата была против. Леди делала всё, чтобы скрыть способности дочери, чтобы никто не знал, что тёмная сестра почти не уступает светлому брату. Но, как водится, самые оберегаемые секреты чаще всего становятся общеизвестными. Хотя за пределы домена слухи не просочились.

Эйнион не смог отказать Владыке и вынужден был взять в ученицы и её. Он встал тогда над близнецами с двумя деревянными мечами в руках и смерил их тяжёлым взглядом.

— Что ж, попробуем извлечь из этого пользу, — ворчал он в первый же день. Эти слова стали началом всего. — Это может стать отличной мотивацией для вас обоих. Пропустишь удар ты, а больно будет ему.

Все при дворе помнили этот громогласный голос, звучащий по утрам.

— Меч выше. Не спи на ходу, девочка.

Эйнион ворчал, скрежетал зубами, но учил. Сначала через силу, потом вошёл в азарт, а под конец даже с гордостью учителя, который растит не просто бойцов, а будущих командиров.

Теперь он на арене, жилистый и гибкий. Против него вышел Катал, зимний воин, тяжёлый, как глыба льда, и столь же непробиваемый. Он делает ставку на мощь, его удары тяжелы, как камнепад в горах, каждый мог бы сокрушить менее опытного противника. Он наступает уверенно, теснит Эйни-

она к краю арены, заставляя зрителей ахать при каждом раз-
машистом взмахе меча. Зимний воин явно привык продавливать оборону силой, ломать чужую защиту, как ледоход ломает зимний панцирь рек. Эйнион отступает и уклоняется. Принимает удары на щит так, что рука должна бы онеметь, но он только меняет хватку и снова поднимает клинок.

Он не пытается переиграть Катала в силе, это было бы глупо. Вместо этого он заставляет противника тратить энергию. Кружит по арене, уходит в стороны, провоцирует на новые и новые атаки. Катар раз за разом обрушивает меч, раз за разом встречает либо пустоту, либо вовремя подставленный щит.

На трибунах начинают перешёптываться. Кто-то думает, что Эйнион сдаёт позиции, что годы берут своё. Дочь осеннего Лорда с ними не согласна, она в своё время выучила этот урок: не трать силы на то, на что можно не тратить. Пусть противник устанет сам.

Катар начинает дышать тяжелее. Удары теряют первоначальную сокрушительную силу. Ещё несколько попыток, и в них проскальзывает откровенное раздражение.

Эйнион терпеливо ждёт, как когда-то учил близнецов ждать удобного момента. И когда Катар, не выдержав, замахивается слишком широко, мастер над оружием Осени наносит удар. Катар оседает в песок.

Эйнион делает шаг назад и поднимает руку в победном жесте. Толпа ревёт. Близнецы Балор со своих мест аплоди-

руют своему учителю вместе с другими зрителями.

Когда последние бои четвертьфинала отгремели, и в полуфинал вышли четверо — Аргетлам, Сольрейн, Эйнион и Таинственный рыцарь, на трибунах начинается оживление особого рода. Судьи, в чьей роли сегодня выступают сами Высокие Лорды, склоняются друг к другу, обсуждая сетку. После полудня будут проведены полуфинальные поединки, а на завтрашнее утро запланирован самый последний и самый важный бой.

Алиньяд Балор что-то негромко говорит Риордану Кайлеху. Лорд Зимы кивает, хмурит брови, потом усмехается уголком губ. Их советницы, темнокудрая Мадбеата и Фрейде, тоже вполголоса обмениваются замечаниями. Решают, кому с кем биться в полуфинале.

Дочери обоих Домов в этом обсуждении не участвуют.

В это время по трибунам, как лёгкий осенний ветер, пробегают разговоры. Дамы прикрывают веерами улыбки и шепчутся о Таинственном рыцаре. Кто он? Откуда? И, главное, что скрывается под шлемом? Молодые фейри томно вздыхают, гадая, красив ли незнакомец. Или, может, он уродлив и поэтому не поднимает забрала. Старшие строят догадки о его происхождении. А простые зрители, что толпятся у ограды, просто радуются: выскочка, которому все предрекали поражение, вдруг стал любимцем публики. О его сегодняшних победах ещё долго будут говорить в домене Осени.

И когда судьи наконец объявляют решение, толпа встречает его одобрительным гулом.

После небольшого перерыва первый полуфинал: Эйнион против Таинственного рыцаря. А за ним второй полуфинал и последний на сегодня бой: Аргетлам Балор против Сольрейна Кайлеха.

Лорды рассудили: с одной стороны, опытный ветеран против загадочного выскочки. У Эйниона хорошие шансы выйти в финал, но, если Таинственный рыцарь победит... что ж, интрига завтрашнего боя только выиграет. А с другой стороны, битва двух фаворитов, которую все ждут. Она состоится сегодня, чтобы зрителям было что обсуждать за вечерним пиром.

Осенняя дева не разделяет всеобщего предвкушения. Она смотрит, как помощники глашатая выставляют в сетке гербы, затем переводит взгляд на оставшихся бойцов, которые уже не расходятся по шатрам. Кому-то из принцев доведётся завтра сразиться с победителем первого полуфинала, и они не упустят возможности оценить противника.

Она вздыхает и сцепляет ладони в замок, положив их на колени, да так сильно, что по коже идут красные пятна.

— Незачем так открыто беспокоиться о брате, — голос отца звучит неожиданно мягко. Алиньяд даже не смотрит на неё, его взгляд устремлён на арену, на сына, который непринуждённо прислонился плечом к ограждению. — Аргетлам сильнее. А даже если проиграет... — он делает паузу, чуть

повернув голову, — это всего лишь турнир.

Она кивает, не в силах выдать ни слова. Уверенность правителя в сыне монументальная, но беспокоится она вовсе не об Аргетламе.

Эйнион ап Мадог уже выходит на арену под одобрительные крики зрителей. А вслед за ним Таинственный рыцарь в своих нелепых, чужих доспехах, тощий и несуразный на фоне статного Мастера над оружием. Толпа всё ещё посмеивается, глядя на него. В этом смехе уже нет прежней уверенности. У этого фейри уже много побед, но Эйнион — соперник совсем иного порядка. Даже выйди он против Аргетлама, Аргетлин не знает на кого бы поставила.

Аргетлам, словно услышав её мысли, лениво поворачивает голову к сестре на трибуне, долго смотрит на неё. Она встречает взгляд брата, а затем отворачивается к арене, у центра которой уже сходятся первые полуфиналисты.

Он всё ещё смотрит на неё, когда она отворачивается. Аргетлам успевает заметить её сцепленные пальцы и побелевшее лицо. Проследив за взглядом сестры, он смотрит на своего наставника.

Эйнион, остановившись перед незнакомцем, привычно поигрывает плечами, разминается, будто перед очередной тренировкой, а не перед полуфиналом. Расслаблен, спокоен, уверен в себе настолько, что это почти граничит с высокомерием.

С чего бы Аргетлин тревожиться о нём?

Эйнион — легенда. Он сражался с десятками противников и выходил победителем из битв, о которых слагали песни. Говорят, он даже с самим Лугом сражался в войне с форморами. Этот тощий незнакомец в чужих доспехах для него не более чем очередная ступень на пути к финалу. Тревожиться сестре настанет время, когда он сам, одолев зимнего принца, встретится с учителем.

Пока ни ему, ни ей, несмотря на столетие, проведённое в тренировках, не удалось победить Эйниона.

Противники сходятся в центре арены. Эйнион не тратит времени на разведку. Он атакует сразу мощно, хлёстко, серией ударов, которые должны смять любого противника. Меч свистит в воздухе, описывая восьмёрки, рубящие сверху, снизу, сбоку. Рыцарь отбивается.

И тут начинается странное. Рыцарь отбивается так, словно читает мысли Эйниона и каждый его шаг предугадывает. Те же стойки, те же блоки, такие же уходы корпусом. У Дома Воздуха есть такие умельцы, которые могут буквально видеть окружающих насквозь, но их земли слишком далеки от Осени.

Эйнион наседает. Меч его тяжёл, каждый удар грозит если не разрубить, то оглушить. Рыцарь пятится, уходит, принимает удары на щит. Щит противно скрипит, но рыцарь держится.

Аргетлам подступает на шаг вперёд, сам того не замечая.

Эйнион наносит рубящий удар сверху. Рыцарь подставляет щит и вдруг, вместо того чтобы просто заблокировать, делает короткий выпад мечом в открывшийся бок.

Контрвыпад.

Эйнион едва успевает отшатнуться. Лезвие царапает доспех, оставляя длинную светлую полосу на металле.

Толпа взрывается криками. Эйнион пропустил удар! Он замирает, смотрит на свежую царапину на своей броне, затем на незнакомого рыцаря, который снова принял боевую стойку, сжав рукоять меча обеими руками.

Эйнион больше не сдерживается. Он атакует в полную силу, как атакуют только равного. Его меч пляшет в руках, описывая немислимые дуги, рубя, коля. Рыцарь едва успевает отбиваться, пятится, спотыкается о песок. Эйнион теснит его к барьеру, заставляя прижиматься спиной к деревянному ограждению.

Удар. Блок. Удар. Уход корпусом. Снова удар!

Таинственный рыцарь держится. Он весь мокрый под доспехами, дыхание со свистом вырывается из-под шлема, руки дрожат от напряжения. Каждый раз, когда меч Эйниона должен найти цель, он вдруг упирается в щит или клинок.

Эйнион делает замах. Сталь звенит о сталь, встретившись с клинком рыцаря. И тут Эйнион, используя силу противника как рычаг, бьёт его рукоятью в солнечное сплетение. Точно в щель между грудной пластиной и поясным ремнём.

Рыцарь на арене складывается. Воздух вылетает из лёгких

с хриплым, жалобным «хха». Колени подкашиваются, и он хватается за барьер, повисает на нём, пытаясь не упасть и не выпустить меч.

Эйнион замирает. Смотрит, как его противник борется за каждый вдох. Он поднимает меч на плечо и не торопясь подходит.

Аргетлам, наблюдающий за боем с жадным интересом, сам как будто задыхается. Он не сгибается пополам, как рыцарь на арене, но перед глазами появляются знакомые круги. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Сколько раз он сам пропускал такой удар от наставника не счесть.

— Вы в порядке? — воин из осенней свиты обращается к Аргетламу.

— Всё... нормально... — хрипит он наконец и потирает грудь рукой. — Вспомнил, как сам такие... пропускал.

Воин понимающе кивает:

— Его удар не забудешь, даже если очень постараться.

Аргетлам согласно качает головой. Смотрит на арену, где рыцарь наконец распрямляется и, тяжело дыша, поднимает меч. И чувствует, как его собственные лёгкие постепенно наполняются воздухом.

— Сдавайся, — предлагает Эйнион противнику, нависая над юнцом.

Вместо того чтобы поднять руку в знак сдачи, рыцарь резко выпрямляется. Меч взлетает, и Эйнион едва успевает подставить свой клинок. Звон стали режет воздух. Кажется, фо-

кус мастера над оружием разозлил чужеземца и придал ему сил.

Рыцарь атакует. Он забыл про усталость, про боль в груди, про онемевшие руки. Эйнион отступает. Рыцарь теснит его к центру арены, не давая опомниться, не давая перехватить инициативу. Меч его движется в такой же последовательности, которую Эйнион вбивал в близнецов столетиями: связка ударов, где каждый следующий вытекает из предыдущего, где нет пауз, нет слабых мест. Эйнион парирует, уходит, отбивается. Но он уже не атакует, теперь он защищается.

Рыцарь делает выпад. Эйнион отбивает его в сторону, открывается и запоздало понимает, что это ловушка. Рыцарь не вкладывался в тот удар. Он ждал, когда Эйнион откроется.

Меч рыцаря упирается Эйниону в горло.

Трибуны молчат и судьи молчат. Даже ветер, кажется, и тот стих.

Рыцарь стоит, тяжело дыша, но меч в его руках не дрожит, остриё целит точно в незащищённое горло Эйниона. Эйнион смотрит в прорезь шлема и очень медленно опускает свой меч, признавая поражение.

Стена звука обрушивается на арену, когда до зрителей доходит смысл увиденного. Эйнион ап Мадог, Мастер над оружием Осеннего Дома, Первый меч Алиньяда Балор, легенда, уступил какому-то тощему юнцу в чужом доспехе.

Судьи на трибуне переглядываются. Алиньяд Балор мед-

ленно подносит кубок к губам, его взгляд соскальзывает в сторону, где его дочь вскочив со своего места, вместе со всеми хлопает победителю.

На арене Эйнион остановившись, говорит чужому рыцарю несколько фраз, не глядя на него. Рыцарь только кивает и покидает поле боя, уступая его новым бойцам. Для него на сегодня бой закончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.